

Навигатор галерейной жизни

Андрей Гросицкий.
"Магия объектов".
Галерея "RusArta"

Применительно к живописи Гросицкого принято говорить о метафизике изображаемых им вещей.

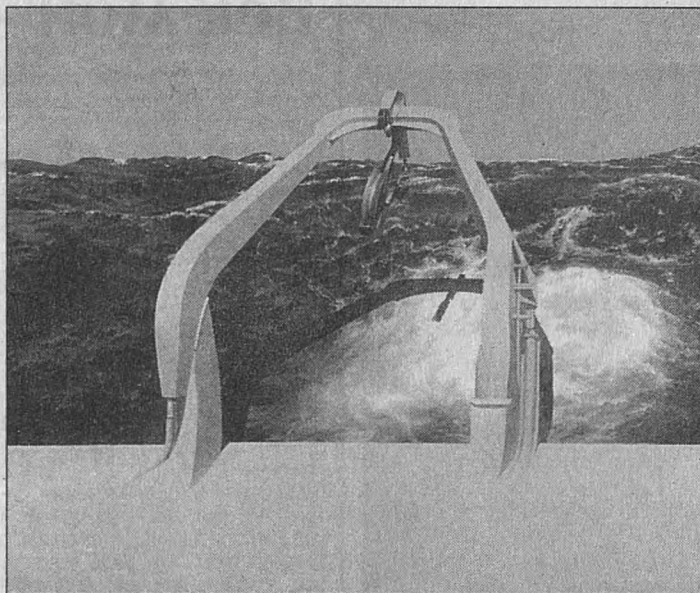
"Вещь" Гросицкого максимально выразительна, сверхсуггестивна едва ли не среди всего искусства XX века — теперь, с уходом столетия, это очевидно.

Гросицким наведены мосты между несочетаемым — иконой и помойкой, складом и человеком, предметом и внутренним миром. Передана судьба, но уже не вещей, им изображенных: судьба вещей — то как раз и не важна. Его искусство — о судьбе картины. Оно — одна из последних цитаделей "больших" пластических свершений, чему мало что видится на смену.

После многих десятилетий отшельнического нонконформизма, после размещения работ в постоянной экспозиции Третьяковки Гросицкий поздно пригласился в московским галеристам. Новая галерея "RusArta" открылась именно его выставкой. Неудивительно: несколько лет назад один критик ассоциировал его работы по силе воздействия с рекламным плакатом — превосходный комплимент художнику. Ибо искусство сейчас крайне редко способно посоперничать с рекламой по выразительности, при этом не утерев своих исключительных качеств.

Алексей Каменский
и Михаил Крунов.
Галерея "Академическая"

Алексей Каменский — человек чрезвычайно скромный, художник, редко выставляющийся. Но фигура в среде ценителей современной живописи культовая. Сын знаменитого поэта футуриста Василия Каменского, ближайшего соратника Бурлюка и Маяковского, который одним из первых "срастил" живопись с поэзией. Наследник традиции "духовной" абстракции, от Кандинского до французской послевоенной школы выходцев из России — Полякова, Ланского, де Сталля. "Водолаз-глубоководник" абстракции. Нюансировка цвета на грани различимости, живописность на грани концептуальности, однако, изобре-

тенная им задолго до возникновения искусства концептуализма на русской почве. Живопись как таковая с ее фактурой, динамикой, собственно, "зажата" "по краям", едва не вытекая порой за пределы холстов. Даже чтобы различить нюансы цвета на его полотнах, требуется время. Каждая его картина — суть экран, на который проецируются эмоции, мысли — наше сознание.

Ни один из учеников не смог выдержать подобной степени цветового минимализма. Один из них — сотоварищ по данной выставке Михаил Крунов — многие годы осваивает ясность, четкость форм знака на территории медитативных поисков учителя Каменского. Тоже путь к зрителю — куда более прямой, не тернистый. В свое время едва ли не все шестидесятники "вышли" из Фалька. Алексей Каменский же словно вошел в его палитру и продолжил "внутри нее" идти вглубь, в цвет без возврата.

Кирилл Челушкин.
"Изнутри". Галерея
"Новая коллекция"

Провокационное название проекта подразумевает, что зритель как бы помещается прямо в эпицентр ситуации искусства. Привыч-

ные станковые листы графики "сходят" со стен галереи, становясь и стенами, и с трудом поддающиеся рассмотрению пятиметровыми объектами. Челушкин понимает слово "пластический" буквально, с прямолинейностью архитектора (кем он и является по образованию) — рисует на специальных огромных листах пластика. Рисует не формы собственно, а их тени, попытки проявления, некий "предварительный" хаос, но притом очень структурный, напоминающий контуры и планы не то архитектурных построек, не то загадочных механизмов. Современность авторской позиции скрыта в его постепенных, но упорных усилиях по возвращению архитектурной графики и технических проектов обратно в лоно искусства.

Евгений Гороховский.
"Созерцание вещей —
явлений". Галерея "М'арс"

Евгений Эдуардович Гороховский (отчество теперь необходимое напоминание о том, что отец — мэтр, один из крупнейших художников второй половины столетия, и потому, что Евгений только что перешагнул почтенный лятидесятилетний рубеж) — художник удивительных соположений. В его искусстве "вещи — явления" поистине несво-

Слева: Е.Гороховский.
"16 часов 06 минут". 1984 г.
Вверху: А.Гросицкий.
"Под занавес". 2000 г.

димые вместе, противоположные по сути образу, противоположные — редкую по гармоничности в современном арт-мире. Литературный с первого взгляда сюжет обобщается на деле в чисто живописную головоломку, лишенный действия пейзаж обретает бесконечную глубину благодаря расширявающей картину подписи-комментария — в своей неисчерпаемости почти дзенским коаном. Автора, с блеском владеющего всей палитрой техник и принципов постмодернизма, отличает подлинность в передаче запредельного посреди обыденного — ибо измерение настоящей мистики проявляется в искусстве лишь в тех случаях, когда оно открыто, прозрачно художнику и в жизни, а отнюдь не натужно "приписано" каждой работе. Посреди фотореализма — стиля, определившего 80-е — рубеж 90-х годов в русском искусстве, Гороховский, вроде и не изменившись, развернул целые пласты и неизведанные пространства: сакральные ритмы геометрии, орнаментики, архаические образы, разрушительную мощь абстракции. Он заигрывает со зрителем и испытывает его то головоломной "сборкой" работы из будто случайных фрагментов, то, наоборот, дразнящей провокацией простоты мотива: кучи облаков посреди ясного неба или необычного среза оконной рамы с игрой света и тени.

Сергей ПОПОВ